

УДК/UDC 343.34

Религиозный экстремизм: понятие, сущность и признаки

Ашыралиева Баян Советбековна

кандидат юридических наук, доцент

Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева

г. Алматы, Казахстан

e-mail: bayan.ashiralieva@mail.ru

Ищанова Гульнар Тулемисовна

кандидат юридических наук, доцент

Университет международного бизнеса им. Кенжегали Сагадиева

г. Алматы, Казахстан

e-mail: gulnar_tore@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2912-2752

Аннотация

Текст аннотации. В статье анализируется понятие «религиозный экстремизм», рассматриваются его сущность и особенности. Отмечается, что термин «религиозный экстремизм» не имеет общепризнанного единого толкования как на доктринальном, так и на законодательном уровне. Анализируются положения Конституции Республики Казахстан, Уголовного кодекса Республики Казахстан и международного законодательства (Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах и др.), а также религиозные трактаты (в частности, Аяты Корана). Приводятся различные точки зрения ученых, правоведов, политических деятелей и иных лиц, касающиеся видов и целей экстремизма, соотношения понятий «экстремизм» и «религиозный экстремизм». Формулируется авторское определение понятия «религиозный экстремизм», выделяются его характерные черты.

Ключевые слова: религия, экстремизм, понятие, признаки, сущность.

Religious extremism: concept, essence and signs

Ashyraliyeva Bayan Sovetbekovna

Candidate of Law, assistant professor

Kenzhegali Sagadiyev University of International Business

Almaty, Republic of Kazakhstan

e-mail:bayan.ashiralieva@mail.ru

Ischanova Gulnar Tulemisovna

Candidate of Law, assistant professor

Kenzhegali Sagadiyev University of International Business

Almaty, Republic of Kazakhstan

e-mail:gulnar_tore@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2912-2752

Abstract

The article analyzes the concept of "religious extremism examines its essence and features. It is noted that the term "religious extremism" does not have a generally recognized single interpretation both at the doctrinal and legislative levels. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and international legislation (the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, etc.), as well as religious treatises (in particular, Ayats of the Koran). Various points of view of scientists, lawyers, politicians and other persons concerning the types and purposes of extremism, the correlation of the concepts of "extremism" and "religious extremism" are presented. The author's definition of the concept of "religious extremism" is formulated, its characteristic features are highlighted.

Key words: religion, extremism, concept, signs, essence.

Сегодня проблема религиозного экстремизма распространена не только в Республике Казахстан, но и по всему миру. Сам термин часто встречается в научной литературе, законодательных актах, используется в международном праве. Однако, несмотря на это, термин «религиозный экстремизм» не имеет общепризнанного единого толкования как на док-

тринальном, так и на законодательном уровне. В свою очередь, разъяснения, данные в законодательстве, далеки от научной обоснованности.

Не имеется и единообразной научной точки зрения в методах отнесения религиозных текстов и сообществ к категории экстремистских, а понимание данного явления вызывает немало затруднений: смысловое содержание понятия не определено конкретными границами. Такое положение вещей не только порождает неясность в теоретическом аспекте, но и затрудняет борьбу с данным общественно опасным явлением на практике.

При изучении любых явлений, особенно если речь идет о крайне опасных для общества, следует на самом начальном этапе исследования понять их сущность и содержание, поскольку трудно исследовать то или иное явление, содержание которого не уточнено и не обобщено в науке и законодательстве.

Так, из понятия религиозный экстремизм можно сделать вывод о двух составляющих: религии и экстремизме.

С психологической и философской точки зрения религию рассматривают в контексте внутренних мотивов ее проявления. Например, немецкий философ Ф. Шлейермахер считал, что в основе религии лежит «чувство и вкус к бесконечному», личное внутреннее переживание Бога, созерцание, а не познание Универсума. У. Джемс полагал, что религия имеет эмоциональную, но не интеллектуальную основу; З. Фрейд писал, что в основе религии лежит сам человек и его внутренний мир; К. Юнг утверждал, что в основе религии лежит коллективное бессознательное, возникающее из чувства страха человека перед неведомыми опасностями его души, в религии человек находит пространство для психического здоровья, защиту от проявлений бессознательного.

Совет Европы в пособии по образованию в области прав человека с участием молодежи дает свое определение религии — система убеждений и ценностей, которая связывает человечество с духовностью. Религия призвана объяснить смысл и происхождение жизни, Вселенной. В максимально простом объяснении религия описывает отношение че-

ловека к тому, что он считает божественным, святым или духовным. Исторические свидетельства показывают нам различные системы верований, начиная с поклонения природным силам, богам или богиням и заканчивая верой в единого Бога.

Можно сделать вывод, что религия на всех этапах существования человечества имела, имеет и будет иметь особую «духовную» значимость. В этом контексте особое значение приобретает и такой вид экстремизма, как религиозный.

Слово «экстремизм» образовано от лат. *extremus*, что означает «крайний», «выходящий за пределы границ». В поведении человека это может выражаться нарушением прав других лиц, противостоянием сложившимся традициям и нормам морали, а также другим устоям общества.

Как полагает Е. Н. Плужников, в той или иной степени экстремизм может проявляться во всех аспектах жизнедеятельности человека: политике, религии, природе, гендерных взаимоотношениях и т. д. При этом автор считает необходимым отличать агрессию, которая может быть как осознанной, так и неосознанной, от экстремизма, который в своей основе всегда имеет мотив, идею или концепцию. Е. Н. Плужников утверждает, что экстремизм — это следствие не только неправильного воспитания, но и других внешних факторов, влияющих на формирование у личности агрессии, нетерпимости к тому, с чем он не согласен. К таким внешним факторам Е. Н. Плужников относит социальные, политические, экономические и культурные [1].

Как считает Н. Койчукулов, именно протестный характер определяет природу экстремизма: недовольство сложившейся политической обстановкой, экономическими условиями, расовыми, этническими и профессиональными группами, социальным неравенством [2, с. 9].

Некоторые ученые придерживаются позиции о том, что в определении понятия экстремизма следует фокусировать внимание на действиях людей, но не на самих людях, мотивируя это тем, что отнесение человека или группы людей к категории экстремистских не может быть од-

нозначным, поскольку зависит от позиции лица, использующего данное понятие. Так, одна и та же группа людей может быть расценена одними людьми как борцы за справедливость, а другими — как экстремисты.

В частности, как полагает Л. Левинсон, неопределенность в понятии экстремизма продиктована возможностью широкого охвата действий различного характера, попадающего под данное понятие. Если рассматривать экстремизм как все, что выходит за рамки общепринятого, то к таковому можно отнести марши мира, движение «Гринпис» и тому подобные вещи [3, с. 20].

А. К. Жарменова полагает, что не каждое столкновение мнений и убеждений принимает форму антиобщественности, противоправности и насильственности, отмечая, что исключительно наличие конкретных признаков должно устанавливать, является действие экстремистским или не более чем проявлением нестандартных взглядов в рамках соблюдения правопорядка [4].

А. Имомов, в свою очередь, считает, что сам по себе экстремизм как приверженность к крайним взглядам и установкам не следует рассматривать в качестве преступного, но преступность должна определяться его проявлениями и последствиями в виде общественно опасного деяния, создающего угрозу обществу, государству и личности в отдельности [5, с. 170].

Спецдокладчик ООН Фионнула Ни Аолэйи на пресс-конференции 17 мая 2019 г. в Представительстве ООН в Казахстане выразила мнение о том, что законодательство по противодействию терроризма, а также методы борьбы с экстремизмом в Республике Казахстан часто используются в политических целях против объединений гражданского общества, в частности против религиозных меньшинств, и призывает правительство позволить этим организациям заниматься своей деятельностью, которая защищена международным правом [6].

Однако, как справедливо, на наш взгляд, отмечает М. М. Хадысов, на международном уровне, в т. ч. и в документах ООН, нет единообраз-

ного понимания экстремизма, а присутствует исключительно перечень деяний, которые государства — члены ООН признают таковыми [7].

В Указе Президента Республики Казахстан от 06 июня 2017 г. № 492 «О подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму» дается определение экстремизму — это идеология и практика, направленная на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий [8].

В ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» закреплены три вида экстремизма:

- 1) политический — насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности и обороноспособности государства, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, создание, руководство и участие в незаконном военизированном формировании, организация вооруженного мятежа и участие в нем, разжигание социальной, сословной розни;
- 2) национальный — разжигание расовой, национальной и родовой розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию;
- 3) религиозный — разжигание религиозной вражды или розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан [9].

Как видим, на международном уровне не выработано единого определения понятий «экстремизм» и «религиозный экстремизм». На уровне Шанхайской организации сотрудничества и национального законодательства существует легальное определение понятия «экстремизм», на основе которого мы попытаемся сформулировать определение понятия «религиозный экстремизм»:

- 1) идеология и практика, направленная на разрешение религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий;
- 2) разжигание религиозной вражды или розни, в т. ч. связанной с насилием или призывами к насилию, а также применение любой религиозной практики, вызывающей угрозу безопасности, жизни, здоровью, нравственности или правам и свободам граждан.

Если насильственные и иные антиконституционные действия при решении религиозных конфликтов нельзя признать допустимыми, то расценивание в качестве экстремизма применения любой религиозной практики, угрожающей нравственности, вызывает обоснованные сомнения хотя бы потому, что в Конституции Республики Казахстан прямо не предусмотрено право человека на сохранение своей нравственности.

Вместе с тем перечень прав и свобод граждан как на уровне Конституции Республики Казахстан, так и на уровне нижестоящих законодательных актов является достаточно широким, в связи с чем мы не можем утверждать, что любое из нарушений таких прав в результате применения любой религиозной практики должно расцениваться как религиозный экстремизм.

Мы считаем, что при таких обстоятельствах определение понятия «экстремизм» в Законе Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» необходимо привести в соответствие с определением экстремизма, которое дается в Указе Президента Республики Казахстан от 06 июня 2017 г. № 492 «О подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму».

Как отмечает докладчик ООН Ни Оалин, посетившая Казахстан в мае 2019 г., хотя документы ООН и признают вызовы экстремизма, самого термина «экстремизм» нет в юридически обязывающих международных правовых стандартах, и его использование в качестве уголовно-правовой категории несовместимо с принципом юридической определенности и противоречит некоторым фундаментальным правам человека.

Ни Оалин отмечает, что термин «экстремизм» применяется не как средство борьбы с данным общественно опасным явлением, но в качестве совершения самого преступления. Обеспокоенность у докладчика вызывает применение ст. 174, 179, 405 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее по тексту — УК РК).

В частности, как полагает Ни Оалин, ст. 174 УК РК «Разжигание социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни» часто применяется в отношении религиозных групп и активистов гражданского общества. Данная диспозиция УК РК лишь в общих чертах описывает признаки данного преступления, тем самым не обеспечивает необходимую защиту от необоснованного уголовного преследования. Такое положение вещей дает возможность правительству преследовать гражданских активистов. Неопределенность таких пунктов в ст. 174 УК РК, как «рознь», «пропаганда исключительности, неполноценности либо превосходства граждан», «оскорбление национальной чести и достоинства либо религиозных чувств» дает возможность правительству преследовать не только гражданских активистов, но и религиозные и другие группы граждан. В пример преследования за инакомыслие Ни Оалин приводит дела Т. Аяна и М. Бокаева. В целом у докладчика имеется обеспокоенность, что термин «экстремизм» применяется против религиозных убеждений, тогда как свобода вероисповедания является универсальным правом и неотделимой частью гражданского общества [10].

Нельзя назвать утверждения Ни Оалин касательно проблемы термина «терроризм» необоснованными. Так, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» множество публикаций о привлечении к уголовной ответственности по экстремистским статьям УК РК за репосты или «лайки» в социальных сетях. В частности, в 2018 г. по ст. 174 УК РК «Разжигание социальной, национальной, родовой, сословной или религиозной розни» был привлечен к уголовной ответственности Т. Давлетов — приверженец салафизма (религиозного течения ислама), который в социальной сети «Вконтакте» сделал репост публикации другого автора о негативном отношении к запрещенной в Республике Ка-

захстан и Российской Федерации организации «ИГИЛ». К выводам о признаках разжигания межрелигиозной розни пришли эксперты (филологи и лингвисты). На защиту Т. Давлетова встал международный фонд защиты свободы слова «Адил соз». Как считает юрист фонда, эксперты не имеют права отвечать на вопросы правового характера, поскольку это является исключительной компетенцией суда. Юрист фонда Т. Симахина отмечает, что в 2018 г. по ст. 174 УК РК осуждено более 41 человека, и количество случаев привлечения к уголовной ответственности по данной статье неуклонно растет. В пример юрист приводит 2014 г., когда по данной статье было осуждено всего 7 человек. Т. Симахина делает вывод, что является достаточно размытой грань, когда человек просто высказывает свое мнение и когда он умышленно разжигает рознь. Не исключает она и случаи, когда репост или «лайк» был сделан или поставлен случайно. Солидарными с ее мнениями оказались адвокат Алматы Дж. Утебеков и автор ютуб-канала «За нами уже выехали» Д. Дубовицкий [11].

Из проведенного выше анализа можно сделать предположение, что на сегодняшний день законодательно закрепленное определение понятия «экстремизм» в правоприменительной практике конфликтует с конституционными положениями:

- 1) никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотиву социального положения, пола, расы, национальности, отношения к религии, убеждений или по любым иным обстоятельствам (ч. 2 ст. 14 Конституции Республики Казахстан);
- 2) свобода слова гарантируется (ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Казахстан);
- 3) каждый имеет право свободно получать и распространять информацию любым не запрещенным законом способом (ч. 2 ст. 20 Конституции Республики Казахстан);
- 4) каждый имеет право на свободу совести (ч. 1 ст. 22 Конституции Республики Казахстан).

Кроме того, в соответствии с п. 6 ст. 3 Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» каждый вправе придерживаться религиозных или иных убеждений, распространять их, участвовать в деятельности религиозных объединений и заниматься миссионерской деятельностью в соответствии с законодательством Республики Казахстан.

Примечательно, что ранее упомянутый Закон Республики Казахстан именовался «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», где в качестве основной задачи было провозглашена свобода вероисповедания, но утратил силу 11 октября 2011 г., тогда как действующий Закон Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в качестве основной задачи выделяет свободу совести. Новый закон ввел более жесткие требования к регистрации деятельности религиозных объединений и миссионерской деятельности относительно редакции ранее действовавшего закона.

В целом вышеприведенный анализ дает понять, что существует тонкая, а порой даже и невидимая грань, когда распространение религиозных убеждений переходит в действия, которые могут быть расценены в качестве экстремистских. Это заставляет нас продолжить исследование и попытаться сформулировать собственное определение понятия «религиозный экстремизм».

Так, большинство исследователей полагают, что религиозный экстремизм в своей основе имеет доктринальные концепции, представители многих религий претендуют на исключительную истинность своего вероучения, что порождает конфликты на данной почве, примерами чему является история: крестовые походы, противостояние буддистов, индуистов мусульманам, террористические акты запрещенной на территории Республики Казахстан и Российской Федерации организации «ИГИЛ» и т. п. Однако мы знаем и примеры мирного сосуществования различных вероучений. В частности, как утверждает представитель ООН, Российская Федерация является таким примером, где мирно сосуществуют ислам и православие [12].

Как считает Е. Н. Плужников, в развитие мирного сосуществования религий в России внесли свой вклад и представители таких вероучений, как иудаизм, католицизм и буддизм [1].

В 1948 г. ООН приняла Всеобщую декларацию прав человека (далее по тексту — Декларация), где в ст. 18 постулируется свобода мысли, совести и религии. Провозглашая данные свободы, Декларация признает право каждого свободно менять свою религию, убеждения, свободно исповедовать религию как единолично, так и коллективно. В ст. 19 Декларации закрепляется право на свободное выражение своих убеждений, а также право на свободный поиск, получение и распространение информации и идей любыми средствами и независимо от государственных границ [13].

Права и свободы, провозглашенные данной Декларацией, в той или иной степени способствовали закреплению веротерпимости или во взаимном признании права следовать своим религиозным убеждениям. Однако всему, в т. ч. и веротерпимости, определена своя мера.

Так, ст. 18 и 19 Декларации, хотя практически в той же редакции и были интегрированы в ст. 18 и 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г. (далее по тексту — МПГПП), однако были дополнены следующими положениями:

1. Свобода исповедания религии или убеждений подлежат ограничениям, установленным законам и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц (ст. 18 МПГПП).
2. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения (ст. 19 МПГПП) [13].

Напомним, что МПГПП ратифицирован Республикой Казахстан Законом от 28 ноября 2005 г. № 91-II [14].

Нельзя не отметить позицию ООН по ст. 18 и 19 МПГПП о том, что эти положения относятся не только к традиционным религиям, но и к любым другим вероучениям, поэтому не должны подвергаться какой-либо дискриминации и религиозные меньшинства. Аналогичной позиции придерживается и Европейский суд по правам человека [15].

Таким образом, позиция международного сообщества едина во мнении о необходимости свободы вероисповедания, но указывает ее границы, когда она не должна нарушать общественную безопасность, порядок, здоровье, мораль, а также основные свободы и права других лиц. Мы считаем, что при переходе через эту границу и начинает проявлять себя религиозный экстремизм.

В последнее десятилетие сам термин «религиозный экстремизм» не только употребляется чаще, но и толкуется шире. В этой связи проблема определения данного понятия становится все более актуальной, однако, несмотря на это, в доктрине не имеется единообразного понимания данного общественно опасного явления.

В 1967 г. Дж. Ванеко был одним из первых, кто попытался дать определение исследуемому понятию. Ученый отмечал, что данное явление — это следствие одного из двенадцати изменений религиозного поведения верующего человека, различные стадии проявления которого можно определить в границах двух главных переменных: 1) умения исповедующего ту или иную веру обозначать отличия важных от второстепенных составляющих вероучения религиозной организации; 2) степени и характере отрицания им других религиозных организаций [16, с. 118].

В начале 1970-х гг. США и Европа стали апеллировать данным термином в контексте противодействия различным сектам и оккультным организациям, которые проявляли акты агрессии и нетерпимости не только к «инакомыслящим», но и к представителям своих вероучений. Несмотря на употребление термина «религиозный экстремизм» в США и Европе в 1970–80-х гг., он больше использовался в контексте

других основных терминов, таких как «экстремистские секты», «экстремистские культы», которые используются и до сегодняшнего дня. Часто термин «религиозный экстремизм» использовался в контексте борьбы с сектами и оккультными организациями во времена СССР, но, несмотря на это, не получил фундаментального теоретического исследования [17].

В 1983 г. Ч. Либман высказал предположение о том, что «религиозный экстремизм» необходимо рассматривать с двух точек зрения: как набор характеристик, которых могут придерживаться верующие, и как процесс подавления этих характеристик. Ч. Либман выделял основные составляющие данного общественно опасного явления: 1) желание навязать свою систему религиозных ценностей другим; 2) отделение экстремистом себя от социума; 3) отрицание экстремистом иных вероучений, нетерпимое и бескомпромиссное отношение к таковым.

Ч. Либман небезосновательно считал, что экстремизм наносит вред самой религиозной организации, которая его применяет. Он акцентировал внимание на необходимости изучения мирного сосуществования различных религий, отмечая, что на ранних этапах интеграции религий вместе с имеющимися социальными институтами данное общественно опасное явление наблюдалось в меньшей степени и появилось как следствие защитной реакции на снижение роли религии в обществе. В заключение Ч. Либман сделал вывод, что чем дальше государство будет отдаляться от религии, тем интенсивнее религиозный экстремизм будет проявлять себя [18, с. 77].

В этом контексте нельзя не упомянуть такое явление, как религиозный фундаментализм, трактуемый А. М. Кырлежевым как тенденция, выражающая отрицательную реакцию консервативных религиозных кругов (XIX–XX вв.) на секуляризацию, т. е. отделение науки, культуры и общественной жизни от религии, что стало причиной маргинализации последней [19].

К исследователям, которые не разделяют точку зрения о состоятельности рассматриваемых терминов, относится Л. Иннаконе, издавший в 1992–1999 гг. ряд научных статей по исследуемой проблеме. Он по-

лагал, что данные термины применяются в политике, в борьбе за власть, однако при этом справедливо замечает, что нельзя отменять факта социальной напряженности на религиозной почве. В этой связи Л. Иннаконе предлагает называть экстремистские группы сектами или экстремистскими сектами, полагая, что именно изучение сущности сектантства даст больше ответов на поставленные вопросы, нежели изучение теоретических аспектов экстремизма. При этом ученый считает, что отсутствие свободы вероисповедания — одна из главных причин этого общественно опасного явления [20].

Среди исследователей 2000-х гг. можно отметить Д. Каннети-Низим, которая, изучая в 2004 г. индуистский экстремизм и еврейский экстремизм, рассматривала эти явления в контексте форм их проявления, а именно в форме насилия, подавления прав по отношению к светской власти, религиозным группам со стороны других религиозных групп [21, с. 48].

Между тем, справедливым, на наш взгляд, является замечание А. Айтжановой о том, что религиозный экстремизм может проявляться как к представителями других религий, так и в разных течениях одной и той же религии, возникая в связи с различием в толковании ее основных догм [22]. Т. А. Скворцовой, М. Ю. Вертием и А. М. Семенцовой понятие «религиозный экстремизм» толкуется как исповедание идеологии нетерпимости к представителям иной или своей религии, ведущее к совершению противоправных деяний, к нарушению прав других лиц, общества и государства в целом [23, с. 114]. Как полагает М. А. Яворовский, религиозный экстремизм характеризуется крайней формой радикальной религиозной идеологии, направленной на совершение по религиозным мотивам преступлений, а также пропагандой совершения таких преступлений в отношении «инакомыслящих».

Из исследованных точек зрения можно выделить следующие признаки религиозного экстремизма:

- 1) приверженность к крайним взглядам, убеждениям;

- 2) отсутствие толерантности, бескомпромиссность к лицам иной веры, «инакомыслящим»;
- 3) такое же отношение между представителями одной конфессии (внутриконфессиональный религиозный экстремизм);
- 4) пропаганда насилия, религиозной вражды, совершения правонарушений по религиозным мотивам;
- 5) создание угрозы нарушения суверенитета государства, его территориальной целостности и стабильности в обществе.

Продолжая выявлять проблемы определения понятия «религиозный экстремизм», нельзя не отметить, что в самих религиях нет понятия экстремизма, но встечаются такие термины, как «джихад», «священная война», «крестовый поход», «охота на ведьм», «борьба за веру» и др., которые часто используются для обоснования экстремисткой пропаганды.

Некоторые исследователи данной проблемы полагают, что причиной религиозного экстремизма может быть сама религия, а точнее содержащиеся в ней тексты священных писаний. При такой точке зрения становится несостоятельной версия о неправильном толковании и применении религиозных текстов как причине возникновения экстремизма. В противоположном контексте это дало бы возможность видеть корень проблемы исключительно в экстремистах, но не в самой религии. Однако, как отмечает Д. Б. Петров, многие экстремисты хорошо понимают религиозные тексты и посвятили их изучению всю свою жизнь [24].

Аналогичную точку зрения высказывает и Н. Дж. Крессель, полагая, что большинство вероучений в той или иной степени могут препятствовать развитию общества, а корень проблемы кроется в самих религиозных текстах, истинность которых не ставится под сомнение верующими [25, с. 18].

Противоположного мнения придерживается Е. Н. Плужников, который в результате своего исследования пришел к выводу, что представители основных мировых религий убеждены в том, что проявление экстремизма чуждо религии и критикуется верующими. Представители традиционных религий утверждают, что религиозного экстремизма как

такового нет ввиду того, что религия — это Истина, а значит благо и добро, где нет место подобному «уродству» [1].

Аналогично думает Л. К. Танкенова, которая, исследуя вопросы о проблеме юридического толкования определения понятия «религиозный экстремизм», отмечает, что главной причиной данного общественно опасного явления является отсутствие необходимых знаний о религии, что приводит к недостатку религиозного воспитания и формирует идеи и взгляды радикального характера, особенно в среде молодежи [26].

В своем исследовании на тему «Религиозный экстремизм и терроризм» В. В. Малышев и В. М. Василенко указывают, что религия используется как инструмент в руках религиозных лидеров и политиков для достижения собственных целей. Религиозный экстремизм, как правило, не проявляет себя в чистом виде, но истинными причинами являются политические и экономические интересы, которые выступают в «маске» якобы благородных религиозных идей [27, с. 235].

Не отдавая предпочтения тем или иным точкам зрения, нельзя не констатировать тот факт, что в мировом сообществе видение религиозного экстремизма прочно ассоциируется с таким термином как «ИГИЛ», «Исламское государство» (запрещенная на территории Республики Казахстан и Российской Федерации организация) и др., которые создают негативный образ в отношении большинства мирных представителей данного вероучения.

Следствием такого понимания религии является множество примеров антиисламских настроений по всему миру: создание для мусульман лагерей перевоспитания в Синьцзяне (Китай), подавление мусульман во Франции, Египте, взрывы мечетей по всему миру, запрет на ношение хиджаба в некоторых странах и т. д .

Протестный настрой в отношении мирных представителей ислама подтвердил и Президент Турции Р. Т. Эрдоган на церемонии открытия Центральной мечети Кембриджа в Великобритании (декабрь 2019 г.), отмечая, что понятия «исламский терроризм» не существует, а страны, которые долгое время считались центром демократии, сегодня заражены

болезнью исламофобии. Президент подчеркнул, что мировую религию ислам необоснованно отождествляют с терроризмом, поскольку настоящий мусульманин террористом быть не может. Эрдоган также отметил попытки террористов запрещенного на территории РК и РФ ИГИЛ изказать нормы ислама.

На официальном сайте Духовного Управления Мусульман Казахстана приводится пять Аятов Корана, смысл которых чаще всего искажают религиозные экстремисты, призывая к нетерпимости и крайностям в отношении иноверцев, инакомыслящих и тут же приводятся доказательства неправильности такого толкования со ссылкой на другие Аяты Корана, а также исторические свидетельства ниспослания Аятов.

В исследовании делается акцент на основной способ экстремистов — «вырывание» Аятов Корана из общего контекста предыдущих и последующих Аятов, не учитывание исторического контекста и того обстоятельства, что некоторые Аяты содержат как нормы предписания, так и нормы повествования, где рассказывается о жизни мусульман, иудеев и христиан. В целом исследование дает понять, что религиозные тексты используются экстремистами в «нападательном» контексте, тогда как их действительный контекст «оборонительный» [28].

Примеры других Аятов, используемых экстремистами, террористами приводятся на информационно-аналитическом портале «Голос Ислама» [29].

Можно выделить основные Аяты из Корана, неправильно толкуемые экстремистами в «нападательном» контексте (2:191, 4:89, 8:12, 8:60, 9:5, 29:9, 47:4), а также Аяты из Корана, опровергающие «нападательный» контекст вышеперечисленных Аятов и указывающий на их «оборонительный» контекст (2:216, 2:190, 2:192, 2:256, 3:20, 4:82, 4:90, 5:68, 8:26, 8:61, 9:4, 9:6, 9:13, 9:32, 9:36, 10:99, 15:9, 16:125, 25:52, 25:63, 29:46, 41:34, 47:1, 60:8). В частности, Коран 2:256: «Нет принуждения в религии. Прямой путь уже отличился от заблуждения». При этом о противоречиях в Коране сказано следующее:

1. 4:82 «Неужели они не задумываются над Кораном? Ведь если бы он был не от Аллаха, то они нашли бы в нем много противоречий».
2. 15:9 «Поистине, Мы ниспослали [Коран как] Наставление, и Мы, без сомнения, сохраним его [от искажений и изменений]».

Таким образом, необходимо размышлять над Аятами из Корана и не «сталкивать» их друг с другом, но вместо этого комплексно извлекать из общего контекста Аятов зерно сути, исследовать мнения известных ученых-богословов, интересоваться соответствующей историей раннего исламского периода.

Исходя из того, что Коран признает такие Святые писания, как Евангелие и Тору, в христианстве и иудаизме также не должно быть идей нетерпимости, агрессии и крайностей к иноверцам, инакомыслящим.

Противоположная точка зрения, на наш взгляд, не отвечает критериям разумности, создает протестный настрой против мирных представителей религии, не представляющих угрозы. Данная проблема требует отдельного научного фундаментального исследования ввиду своей практической значимости. Еще 24 июня 2016 г. Н. А. Назарбаев, принимая участие в заседании Совета глав государств-членов ШОС в г. Ташкент, отметил: «Важно, чтобы экстремизм не отождествлялся с миролюбивым исламом и другими религиями».

Однако, как небезосновательно отмечает Е. Н. Плужников, светское (секулярное) государство, познающее мир через социально-политический и правовой подходы, не может мыслить в системе религиозных координат. В случае если государство рассуждает в религиозной парадигме, то оно перестает быть светским. При этом автор не берется утверждать, хорошо это или плохо, а лишь констатирует данное обстоятельство [1].

Мы полагаем, что истина находится посередине, а именно социально-политический и правовой подходы имеют место быть, но они не должны находиться в отрыве от реалий и существующих проблем, поскольку предназначение права в том и заключается, чтобы сохранить

стабильность в обществе, в частности не допустить дискриминации по религиозному признаку, и при этом сохранить свободу вероисповедания.

Таким образом, мы предлагаем следующую формулировку понятия религиозного экстремизма: религиозный экстремизм — это разновидность экстремизма, идеология и практика которого направлена на разрешение религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий, характеризуется искаженным толкованием религиозной идеологии и (или) религиозных текстов в контексте радикальных взглядов и убеждений по отношению к представителям различных конфессий либо внутри одной конфессии.

Список литературы:

1. Плужников Е. Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 71–78.
2. Койчуколов М. Факторы религиозного экстремизма // Казахстан Спектр. 2012. № 4. С. 9–10.
3. Тукумов Е. Экстремизм // Республиканский общественно-политический журнал «Мысль». 2013. № 10. С. 19–29.
4. Жарменова А. К. Экстремизм: природа, содержание, причины. URL: <https://elar.uafu.ru/bitstream/10995/46026/1/ipou-2016-29.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).
5. Имамов А. Непрерывный диалог — важнейший способ решения проблемы экстремизма // Материалы международной научной конференции: «Религиозный экстремизм в Центральной Азии». Душанбе, 25.04.2002.
6. В ООН выразили обеспокоенность по поводу методов борьбы с экстремизмом в Казахстане // Информбюро. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-oon-vyrazil-obespokoennost-po-povodu-metodov-borby-s-ekstremizmom-v-kazahstane.html> (дата обращения: 30.08.2021).
7. Хадысов М. А. Международно-правовое противодействие экстремизму // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 178–181.
8. О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18.02.2020 № 303-VI // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Респуб-

лики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000303> (дата обращения: 17.09.2021).

9. О противодействии экстремизму: Закон Республики Казахстан от 18.02.2005 № 31-III // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращения: 25.09.2021).

10. Предварительные итоги визита в Казахстан Специального докладчика ООН по вопросу поощрения и защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом // Официальный сайт Управления Верховного комиссара ООН по правам человека <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24637&LangID=R> (дата обращения: 29.09.2021).

11. Срок за репост: как в Казахстане судят за посты и лайки // RFI. URL: <https://www.rfi.fr/ru/tsentralnaya-aziya/20180927-srok-za-repost-kak-v-kazakhstane-sudyat-za-posty-i-laiki> (дата обращения: 10.10.2021).

12. Представитель ООН: РФ демонстрирует миру пример мирного сосуществования культур и религий // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2379343> (дата обращения: 15.10.2021).

13. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 14.10.2021).

14. О ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах: Закон РК от 28.11.2005 № 91-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30035423#pos=3;-112I (дата обращения: 22.10.2021).

15. Противодействие терроризму // Сайт Управы Савеловского района города Москвы. URL: <https://savelovskiy.mos.ru/counter-terrorism/o-sushchnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merakh-po-protivodeystviyu-etim-yavleniya.php> (дата обращения: 25.10.2021).

16. Vanecko J. J. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967. 28 (3). Pp.111–122.

17. Арестов В. Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Харьков: Высшая школа, 1987.

18. Liebman C. S. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. № 22 (1). Pp. 75–86.

19. Кырлежев А. Религиозный фундаментализм // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2c9f4db04c8792279a3d> (дата обращения: 23.10.2021).

20. Iannaccone L. R. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism». *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997. № 153 (1). Pp: 100–116.

21. Iannaccone L. R. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999. № 20(1). Pp. 8–29.

22. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. Religious Fundamentalism and Political Extremism. London: Routledge, 2004. Pp. 35–55.

23. Айтжанова Д. Противодействие религиозному радикализму: зарубежный опыт // Материалы международной научно-практической конференции. Нур-Султан, 04.04.2019. URL: kisi.kz/images/terror.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

24. Вертий М. Ю., Скворцова Т. А., Семенцов А. М. Религиозный экстремизм как политико-правовой феномен // Философия права. 2007. № 1. С. 113–120.

25. Петров Д. Б. «Профилактика религиозного экстремизма»: теория и практика. Саратов, 2018. URL: https://samsmu.ru/files/news/2020/1510/ter_mp_05.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

26. Kressel, Neil. Bad Faith: The Danger of Religious Extremism. York: Prometheus Books, 2007. 264 p.

27. Танкенова Л. К. К вопросу о проблеме юридического толкования определения понятия «религиозный экстремизм». URL: <https://articlekz.com/article/15101> (дата обращения: 02.11.2021).

28. Василенко В. И., Малышев В. В. Религиозный экстремизм и терроризм // Журнал Социология власти, 2012. С. 233–240.

29. Пять аятов Корана, смысл которых чаще всего искажают // Официальный сайт Духовного Управления Мусульман Казахстана. URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2014-12-26/20808-pyat-ayatov-korana-smyisl-kotoryih-chasche-vsego-i/> (дата обращения: 07.11.2021).

30. Ислам о терроризме // Информационно-аналитический портал «Голос Ислама». URL: <https://golosislama.com/news.php?id=4862> (дата обращения: 08.11.2021).

References:

1. Pluzhnikov E. N. The concept of religious extremism and its manifestations in modern Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2010. No. 1. Pp. 71–78.

2. Koichukolov M. Factors of religious extremism // Kazakhstan Spectrum. 2012. No. 4. Pp. 9–10.

3. Tukumov E. Extremism // Republican socio-political journal "Mysl". 2013. No. 10. Pp. 19–29.

4. Zharmenova A. K. Extremism: nature, content, reasons. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46026/1/ipoy-2016-29.pdf> (access date: December 15, 2021).

5. Imamov A. Continuous dialogue — the most important way to solve the problem of extremism // Materials of the international scientific conference: "Religious extremism in Central Asia". Dushanbe, 25.04.2002.

6. The UN expressed concern about the methods of combating extremism in Kazakhstan // Informbureau. URL: <https://informburo.kz/novosti/v-oon-vyrazilio-bespokoennost-po-povodu-metodov-borby-s-ekstremizmom-v-kazahstane.html> (access date: August 30, 2021).

7. Khadysov M. A. International legal counteraction to extremism // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 1. Pp. 178–181.

8. On the ratification of the Convention of the Shanghai Cooperation Organization on Countering Extremism: Law of the Republic of Kazakhstan dated February 18, 2020 No. 303-VI // Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000303> (access date: September 17, 2021).

9. On countering extremism: Law of the Republic of Kazakhstan dated 18.02.2005 No. 31-III // Lawyer. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 access date: September 25, 2021).

10. Preliminary results of the visit to Kazakhstan of the UN Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism // Official website of the Office of the UN High Commissioner for Human Rights <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=24637&LangID=R> access date: September 29, 2021).

11. Term for repost: how in Kazakhstan people are judged for posts and likes // RFI. URL: <https://www.rfi.fr/ru/tsentralnaya-aziya/20180927-srok-za-repost-kak-v-kazahstane-sudyat-za-posty-i-laiki> (access date: October 10, 2021).

12. UN representative: RF demonstrates to the world an example of peaceful coexistence of cultures and religions // TASS Information Agency. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2379343> (access date: October 15, 2021).

13. Universal Declaration of Human Rights of 12/10/1948 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (access date: October 14, 2021).

14. On the ratification of the International Covenant on Civil and Political Rights: Law of the Republic of Kazakhstan dated November 28, 2005 No. 91-III // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30035423#pos=3;-112I (access date: October 22, 2021).

15. Countering terrorism // Website of the Administration of the Savelovsky district of Moscow. URL: <https://savelovskiy.mos.ru/counter-terrorism/o-sushchnosti-religioznogo-ekstremizma-i-fundamentalizma-i-merakh-po-protivodeystviyu-etim-yavleniya.php> (access date: October 25, 2021).

16. Vanecko J. J. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967. 28 (3). Pp. 111–122.
17. Arestov V. N. Religious extremism: content, causes and forms of manifestation, ways of overcoming. Kharkov: High School, 1987.
18. Liebman C. S. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983. No. 22 (1). Pp. 75–86.
19. Kyrlezhev A. Religious fundamentalism // Electronic library of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2c9f4db04c8792279a3d> (access date: October 23, 2021).
20. Iannaccone L. R. Toward an Economic Theory of "Fundamentalism". *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997. No. 153 (1). Pp: 100–116.
21. Iannaccone L. R. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999. No. 20 (1). Pp. 8–29.
22. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*. London: Routledge, 2004. Pp. 35–55.
23. Aitzhanova D. Counteraction to religious radicalism: foreign experience // Materials of the international scientific-practical conference. Nur-Sultan, 04.04.2019. URL: kisi.kz/images/terror.pdf (access date: December 15, 2021).
24. Vertiy M. Yu., Skvortsova T. A., Sementsov A. M. Religious extremism as a political and legal phenomenon // *Philosophy of law*. 2007. No. 1. Pp. 113–120.
25. Petrov D. B. "Prevention of religious extremism": theory and practice. Saratov, 2018. URL: https://samsmu.ru/files/news/2020/1510/ter_mp_05.pdf (access date: November 02, 2021).
26. Kressel, Neil. *Bad Faith: The Danger of Religious Extremism*. York: Prometheus Books, 2007. 264 p.
27. Tankenova L. K. On the issue of the problem of legal interpretation of the definition of "religious extremism". URL: <https://articlekz.com/article/15101> (access date: November 02, 2021).
28. Vasilenko V. I., Malyshev V. V. Religious extremism and terrorism // *Journal of Sociology of Power*, 2012. Pp. 233–240.
29. Five verses of the Koran, the meaning of which is most often distorted // Official website of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan. URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/islam-and-society/2014-12-26/20808-pyat-ayatov-korana-smysl-kotoryih-chasche-vsego-i/> (access date: November 07, 2021).
30. Islam about terrorism // Information and analytical portal "Voice of Islam". URL: <https://golosislama.com/news.php?id=4862> (access date: November 08, 2021).